МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

INITIA:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
(25–26 апреля 2014 г.)

Материалы
XVI Международной конференции молодых учёных

Под редакцией Ю.Н. Кириленко

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2016

ЦЕННОСТИ И ИДЕАЛЫ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Л.А. Торлопова
Научный руководитель: д.ф.н. Г.И. Петрова
Томский государственный университет

Изменения, происходящие в современной философии и связанные с деконструктивистскими процессами десубстанциализации, децентрации и дестандартизации, ставят проблему поисков и выбора новых ценностных ориентиров, идеалов, норм и образцов развития. Решение названной проблемы вызывает необходимость осмысления и переосмысления теоретических и практических вопросов, стоящих перед обществом на современном этапе развития. На этом пути нельзя обойти традиционные ценности и идеалы русской философии, которые были антропологически, культурно и жизненно ориентированы. Статья посвящена проблеме кризиса духовности современного общества, и ее осмысление осуществляется с позиций тех идеалов, которые ранее были предложены русскими философами и содержание которых инициировано специфическим понимаем свободы как сущностной характеристики человека.

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить традиционные ценности, которые несла русская философия, показать роль и значение особенно тех идеалов, которые сегодня актуализированы в развитии теоретической мысли и практической жизни. Речь идет об идеалах свободы и творчества. Актуальность затронутых вопросов состоит в напоминании идей русской философии относительно свободы человека как духовной ценности

Проблема свободы человеческого существования относится к одной из тех, которая всегда волновала философов и по которой накоплен серьезный теоретический материал. Этот связано с тем, что свобода является основополагающей ценностью и сущностной характеристикой человеческого бытия. Каждая теоретическая концепция свободы формировалась в конкретных социокультурных и исторических условиях, несла на себе их отпечаток, и сегодня знание о специфике понимания свободы в этом ракурсе является необходимым для использования опыта, который может быть перенят в теории и использован на практике. На современном культурно-историческом этапе важными и актуальными для понимания проблемы свободы являют себя идеи разума в немецком идеализме Канта и Гегеля, парадоксальности и «тайны души» человека у Достоевского, Бердяева и Шестова, персонализированного или индивидуализированного общества у Ж. Липовецки и З. Баумана.

Интерес к русской религиозной философии и ее интерпретации свободы связан с тем, что данная проблема рассматривается здесь в русле общей специфики этой философии – ее духовного содержания. Антропологические интересы русской философии всегда были связаны с духовным существованием человека, с теми ценностями, которые сообщали ему высоту нравственных и эстетических идеалов, социальных и культурных ориентиров. Свобода человека – это его духовная свобода. Такое понимание для отечественных мыслителей было непосредственно связано с христианским толкованием личностной свободы каждой из трех ипостасей Святой Троицы. Созданный по образу и подобию Бога, человек есть Дух, духовная личность. Такое понимание человека сегодня находится вне тренда именно потому, что из этого тренда выпадает философское понятие

духовности. Свобода приобретает такие характеристики, которые не связаны с духовной сущностью человека.

Причину этого называет Зигмунт Бауман, современный британский социолог, рассуждая о проблеме ценностных изменений. Он констатирует, что специфика современного состояния общества – interregnum (междуцарствие, межвременье) – его неопределенность и непредсказуемость. Это, по его мнению, «порождает важный вопрос, который состоит не в том, что надо делать, а *если бы мы знали, что делать, кто это сделает*? Поскольку инструменты эффективного действия ограничены по сравнению с глобальными задачами, которые перед нами стоят», Бауман называет это положение «инструментальным кризисом» [2]. Преодоление мирового и российского «инструментального кризиса» социальных систем и, как следствие, кризиса в понимании свободы как проблемы личностной идентичности, – это преодоление, прежде всего, кризиса культуры и духовности, то есть кризиса в сфере идеалов, норм, ценностей развития.

Кризис в понимании свободы состоит, прежде всего в том, что свобода перестает быть связанной с ответственностью. Но человек в своем личностном, то есть иномирном, существовании наделен духом, и потому имеет отношение ко всему прочему в мире, как и к себе тоже. Вследствие этого он несет ответ, имеет предназначение ответственности за все происходящее – за все отвечает. Свободы не может быть без ответа другому, без ответственности перед Богом, Природой или другим человеком. В этом обнаруживается его «проактивность» [6].
Преобразование мысли относительно понятия свободы представляет собой противоречие между, с одной стороны, классическим пониманием личности, базирующимся на антропологической проекции свободы и ответственности и, с другой стороны, постмодернистской интерпретацией свободы человека как вседозволенностью, не имеющей причастности к ответственности перед Другим. Указанное противоречие касается не только бытового или политического представления о свободе, но также и философского смысла свободы. В постмодернистской философии сегодня свободу не связывают с духовным, религиозным планом. Внимание устремляется на индивидуальную свободу homo psychologicus, «человека который занят только собой и заботится только о собственном благополучии» [4. С. 81].

Такая интерпретация свободы не нашла бы отклика еще на рубеже XIX и XX веков. На понятие и смысл свободы, сформированных в западноевропейской философии, влиял ее общий рациональный настрой, высокий и холодный интеллектуализм и, если говорить о религиозных основаниях, – индивидуализм протестантской этики. Понимание свободы в таком социокультурном и философском контексте связано с порождающей силой кантовского трансцендентального субъекта, с креативным триумфом Абсолютной идеи Гегеля, с волей к власти у Ницше.

В русской же философской традиции ответом на вопрос Баумана о способе разрешения глобальных проблем современного общества могло бы быть понятие личности, в основе которого – проактивность, разомкнутость, духовность – свобода. «Человек есть существо, себя преодолевающее, трансцендирующее. Реализация личности в человеке есть постоянное трансцендирование: <…> активный, динамический процесс, имманентный опыт человека, в котором человек переживает катастрофы, переносится через бездны, испытывает прерывность в

своем существовании, но не экстериоризируется, а интериоризируется. Лишь ложная объективация трансцендирования, выбрасывание его вовне создает иллюзию трансцендентного, подавляющего личность и господствующего над ней. Трансцендирование в экзистенциальном смысле есть свобода и предполагает свободу, есть освобождение человека от плена у самого себя. Но свобода тут не легкость, а трудность, она проходит через трагическое противоречие» [3].

Жиль Липовецки называет современное общество персонализированным, имея в виду отчужденность каждого его члена от всех прочих, их замкнутость только на собственных потребительских интересах. В результате «персона» не имеет глубокого духовного содержания, это – «пустота» и «нарциссизм» [5. С. 174]. «Постмодернизм отмел обвинения во вреде модернистских ценностей; отныне в культуре царит эклектика… Результатом процесса персонализации является беспрецедентный откат от духовности. Современный индивидуализм непрестанно подрывает основы религии… Более того, сама религия подвержена процессу персонализации: люди верят, но выборочно; сохраняют одну догму, но отметают другую, путают Евангелие с Кораном, дзеном или буддизмом; духовность оказалась втянутой в калейдоскоп супермаркетов и самообслуживания» [5. С. 175].

Ж. Липовецки не исключает, однако, и возможность позитивного эффекта – зарождения «нового человека», стремящегося через искусство к подлинному бытию. «Модернистская культура, универсалистская по своему замыслу, одновременно определяется процессом персонализации или, иначе говоря, тенденцией к уменьшению или ликвидации стереотипного образа нашего «Я», значения реальности и логики, тенденцией к устранению антиномий… – все для того, чтобы освободить дух, избежать ограничений и запретов, раскрепостить воображение, снова вдохнуть страсть в жизнь и творчество. Речь идет вовсе не об уходе внутрь самого себя, а о революционной цели, к которой стремятся, несмотря на все преграды, …о тяге к радикальной персонализации индивида, к созданию нового человека, у которого откроются глаза на то, что такое подлинная жизнь. Процесс персонализации, который состоит в том, чтобы ликвидировать жесткие ограничения и утвердить неповторимость индивида, здесь проявляется в его первоначальном революционном виде» [5. С. 149]. Липовецки выражает мысль, схожую с мыслями Николая Бердяева, который также говорил о пути к подлинному бытию через творчество: «Личность должна совершать самобытные, оригинальные, творческие акты, и это только и делает ее личностью, составляет ее единственную ценность. Личность должна быть исключением, никакой закон не применим к ней. Все родовое и наследственное есть лишь материал для творческой активности личности. Вся тяжесть, наложенная на человека природой и обществом, историей и требованиями цивилизации, есть поставленное перед нами затруднение, требующее сопротивления и творческого претворения в личное, единственно личное. Групповые, сословные, профессиональные типы людей могут быть яркими индивидуальностями, но не яркими личностями. Личность в человеке есть победа над детерминацией социальной группы. Личность есть не субстанция, а акт, творческий акт. Всякий акт есть творческий акт, не творческий акт есть пассивность» [3].

Н. Бердяев утверждает, что поскольку суть человека – в отыскании смысла и назначения личностного существования, то на нем лежит ответственность, пре-

жде всего, за собственную сущность, или за свою «душу». «Личность ни в коем случае не есть готовая данность, она есть задание, идеал человека. Личность самосозидается. Ни один человек не может про себя сказать, что он вполне личность. Личность есть категория аксиологическая, оценочная. Тут мы встречаемся с основным парадоксом существования личности. Личность должна себя созидать, обогащать, наполнять универсальным содержанием, достигать единства в цельности на протяжении всей своей жизни. <…> Личность себя творит и осуществляет свою судьбу, находя источник сил в бытии, ее превышающем. Личность есть потенциально универсальное, но непременно различающееся, неповторимое, незаменимое существо с образом единственным. Личность есть исключение, а не правило. Тайна существования личности в ее абсолютной незаменимости, в ее однократности и единичности, в ее несравнимости». «Личность есть целостный образ человека, в котором духовное начало овладевает всеми душевными и телесными силами человека» [3].

В обществе сохраняется неравнозначное распределение ответственности: из-за инфантильности среднестатистического индивида проактивная личность берет ответственность не только за себя, но и за другого: человека, окружающую среду, реализацию идеи и развитие или поддержание общечеловеческих ценностей. При этом есть немалая доля вероятности, что равенство в этом смысле – недостижимая утопия. Проблема современного общества в том, что увлеченный самим собой и своим психологическим равновесием потребитель, если и готов принимать участие в жизни общества, то только в рамках своей безопасности и, будучи соблазненным выгодой или потакаем иным личным интересом. По Липовецки, «вялый социум является точной копией равнодушного «Я», наделенного недостаточно сильной волей, нового зомби, пронизанного информацией. <…> нарцисс препятствует разговорам о мобилизации масс; в настоящее время призывы к авантюрам, к политически рискованным шагам не находят отклика; если революция окажется деклассированной, то не стоит приписывать это «предательству» бюрократов: пламя революции гаснет из-за соблазнов персонализации мира» [5. С. 91].

Таким образом, в статье предлагается рассмотреть возможность преодоления «инструментального кризиса» современного общества с помощью актуализации в теории и на практике опыта духовных ценностей русской религиозной философии и переосмысления их с учетом современного религиозного и культурного опыта. При этом, неизменным останется стержень идеалов русской философской традиции, а именно: понимание свободы и творчества как сущностных характеристик человеческого бытия.

В качестве итога хочется напомнить вопрос, который задает герой романа Кундера «Невыносимая легкость бытия»: «Стало быть, самое тяжкое бремя – суть одновременно и образ самого сочного наполнения жизни. Чем тяжелее бремя, тем наша жизнь ближе к земле, тем она реальнее и правдивее. И, напротив, абсолютное отсутствие бремени ведет к тому, что человек делается легче воздуха, взмывает ввысь, удаляется от земли, от земного бытия, становится полуреальным, и его движения столь же свободны, сколь и бессмысленны. Так что же предпочтительнее: тяжесть или легкость?» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бауман З.* Свобода. – М.: Новое издательство, 2006. – 132 с.
2. *Бауман З.* Текучая модерность: взгляд из 2011 // Архив лекций Полит.Ру. – URL: http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman (дата обращения: 22.03.2014).
3. *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. – URL: http://www.vehi.net/berdyaev/rabstvo/011.html (дата обращения: 11.01.2012).
4. *Кундера М.* Невыносимая легкость бытия. – URL: http://royallib.ru/read/kundera_milan/nevinosimaya_legkost_bitiya.html#0 (дата обращения: 21.01.2014)
5. *Липовецки Ж.* Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. – М.: Владимир Даль, 2001. – 332 с.
6. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. – URL: http://lib.ru/DPEOPLE/frankl.txt (дата обращения: 17.01.2014)